

«Играть с ним — это был великий урок»

90 лет Святославу Рихтеру

«Рихтеру не надо было анонсов, он если и в доме культуры играл — публика ломилась»

К юбилею великого пианиста Святослава Рихтера Московская филармония, солистом которой он был, приурочила фестиваль, на который меломаны ходили в том числе для того, чтобы проверить, удастся ли друзьям и сподвижникам музыканта добиваться той особой атмосферы священнодействия, которую он создавал. Своими воспоминаниями о Рихтере с корреспондентом Газеты Ярославом Седовым поделились знаменитые участники фестиваля.

Элисо Вирсаладзе:
«мало кто может сказать: «я знал Рихтера»»

Я услышала Рихтера еще в детстве: меня водили на его концерты, а кроме того, было много общих знакомых, друзей семьи. Он часто бывал в Тбилиси, дружил и с музыкантами, и с художниками. Впоследствии, когда я уже сама стала выступать, мы общались, но я не могу сказать, что была среди самых близких его друзей. Мы никогда вместе не играли, скажем, на двух роялях. Я, естественно, бывала на его концертах, он иногда бывал на моих. Были люди, общавшиеся с ним гораздо больше меня. Особенно после его ухода они обнаруживаются. Выдумывают истории, которых не было. На самом деле я думаю, что мало кто может сказать: «Я знал Рихтера». Когда сталкиваешься с тем, что оказывает на тебя такое сильное эмоциональное воздействие (а все его концерты этим отличались), трудно сказать, что на тебя повлияло конкретно — вот то или это. Это было всеобъемлющее воздействие. Прежде всего в отношении к инструменту, к профессии. Стремление и умение сделать так, что каждый концерт, каждая нота становились событием невероятной важности. Кроме того, его отношение к звуку, расширение выразительных возможностей фортепиано.

Он никогда не останавливался в поисках и совершенствовании этих возможностей. Сейчас мало кому удается удержаться на плаву концертной жизни, потому что организаторы хотят на ней зарабатывать и требуют известных имен, «звезд». У нас есть такие имена, которые собирают полные залы. Но они начали свою карьеру и заработали популярность еще при Советском Союзе благодаря поддержке государства. И сегодня им тоже нужна реклама. Нет таких, как Рихтер, которому не надо было анонсов, он если и в доме культуры играл — публика ломилась. Но это не значит, что раз таких нет, то другие музыканты не нужны. А откуда же им взяться, если не поддерживать их на том этапе, когда они уже профессионалы и ведут концертную жизнь или хотят и могут ее вести, но не имеют для этого возможностей? Чтобы зарабатывать, надо же сначала вложить. Организованный нами новый фортепианный конкурс имени Рихтера принципиально отличается от других. Сейчас во всем мире есть очень печальная, на мой взгляд, тенденция: ставка на юный возраст. Еще недавно мы беспокоились о том, что все заняты техникой в ущерб художественным качествам. А сейчас техникой уже никого не удивишь, удивляют ранним развитием. Конкурсы снижают возрастную планку: если раньше большинство принимали заявки до 30 с лишним,

то теперь 25—27 — это во многих случаях считается много. Но это же абсолютная ерунда! Да, в десять лет теперь все владеют компьютерами, ищут работу, а в музыке — играют сложнейшие вещи в расчете на конкурсные премии. Это замечательно, с одной стороны, и печально — с другой: такое быстрое развитие создает ощущение, что человек все знает и дальше ему двигаться некуда. Он перестает удивляться, что необходимо для творчества. А ведь культура не только в том, чтобы понять что-то, что устроено не так, как ты считаешь, но и в том, чтобы разобраться в самом себе, понять, что и как считаешь ты сам. На это нужно время. Я считаю, что скорость нашей жизни — это самое страшное. Замечательный музыкант Натан Перельман как-то сказал: «Я не могу жить в таком режиме, у меня начинается аритмия». Так вот у нас и в творчестве — аритмия, которая приводит к раннему оскудению слоя, который что-то может воспроизводить в культуре. Музыканты, которым уже к тридцати, начинают метаться по конкурсам, думая, что должны еще успеть, и теряют даже то немногое, что имеют. Или просто заболевают. Так вот, возвращаясь к конкурсу Рихтера: у нас нет задачи распределить места «по сумме баллов». У нас нет председателя жюри с решающим голосом. Мы хотим выявить исполните-

лей действительно интересных в творческом плане, и заявок уже более ста. Участникам предоставляется право практически сольного концерта: 60 минут на первом туре, 75 — на втором, чтобы они могли представить полноценные программы. Тем самым они отчасти познакомят нас и с тенденциями сегодняшней мировой музыкальной жизни. Ведь если фильмы и книги мы сейчас можем видеть практически сразу после того, как они выходят где-то, и в этом смысле ощущать себя в едином культурном пространстве, то в музыкальной жизни этого не происходит. Я хотела бы отдельно подчеркнуть, что мы устраиваем конкурс Рихтера не в пик кому-то и не для альтернативы. Это совершенно отдельный проект. А Конкурс Чайковского в своем роде музыкальный символ России, это огромное достижение, что он вообще учрежден. Конечно, и о развитии можно подумать. Конкурс Чайковского очень большой, возможно, стоило бы сделать как на конкурсе Королевы Елизаветы в Брюсселе: там один год играют скрипачи, другой — пианисты. А у нас, например, можно было бы чередовать две специальности: один год — вокал и виолончель, другой — скрипка и фортепиано. Тогда каждая специальность получала бы больше внимания. Но о чем говорить, если мы лишь недавно узнали, что он пройдет не в следующем году, а в 2007-м? Кто-то готовился, кто-то строил планы — и вдруг все уже сверху решено. Мы настолько привыкли, что все решают сверху... Мне это обидно, поскольку я считаю, что такие крупные акции очень важны. Не только для музыкантов, но и для общества в целом. Для людей, которые не причастны к музыке, но могли бы заинтересоваться ею.

Курт Мазур:
«возможность общаться с Рихтером для меня была большим подарком»

Еще когда я был студентом, легенда о Святославе Рихтере облетела всю Германию. Я начал учиться сразу после Второй мировой войны, в 1946 году. Первое, что я услышал о Святославе Рихтере, — это гениальный пианист из России, который тогда же еще и дирижировал. Нашему любопытству не было границ. Впервые я его услышал в Веймаре в 1958-м, он играл последнюю сонату Шуберта В-dur. Я тогда даже не мог себе представить, что придет время, когда я смогу с ним музицировать. Впервые это произошло в Баальбеке, ровно 35 лет тому назад, мы играли Второй концерт Брамса с оркестром Гевандхауса, где я уже был главным дирижером. Тогда на фестивале было два солиста — Мстислав Ростропович и Святослав Рихтер. И произошло то, что никогда больше не случилось между мной и Рихтером. Ростропович приехал в тот вечер, когда у нас с Рихтером была генеральная репетиция. Рихтер пришел на час позже и выглядел не очень здоровым: «Простите, пожалуйста, но когда этот Слава со мной, я всегда попадаю под его влияние». Этим влиянием была водка. Возможность общаться с Рихтером для меня всегда была большим подарком. Это были даже не концерты: каждый раз играть с ним — это был великий урок. И я надеюсь, что этот великий дух опять вернется ко всем, кто несет ответственность за музыкальное искусство в этой великой стране. Мои концерты в Москве — воспоминания о моей первой встрече с Рихтером.

газета

Святослав Великий

Святослав Теофилович Рихтер родился 7(20) марта 1915 года в Житомире. Начальное музыкальное образование получил под руководством отца, пианиста и органиста. В 1933—1937 годах был концертмейстером Одесского театра оперы и балета. В 1934-м дал первый сольный концерт в Одессе. В 1937—1947 годах учился (с перерывами) у Генриха Нейгауза в Московской консерватории. С 1940-го концертирует в СССР, с середины 1950-х — за рубежом. Рихтер признан выдающимся пианистом XX века благодаря исключительному техническому мастерству и ярким трактовкам, определившим основные направления современного исполнительского искусства. Его репертуар включал сочинения почти всех стилей: от Баха до Прокофьева и Шостаковича. Рихтер был лауреатом 1-й премии на III Всесоюзном конкурсе музыкантов-исполнителей в Москве (1945), лауреатом Госпремии СССР (1950), Ленинской премии (1961); народным артистом СССР (1961) и обладателем высших наград многих стран мира.

«Каждый концерт, каждая нота — событие невероятной важности»